

УДК 81'22

ПРИВАТИЗАЦИЯ И ВАУЧЕРИЗАЦИЯ: ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В. В. Волков

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

В статье констатируется, что причины «катастрофы приватизации» начала 1990-х годов коренятся в особенностях менталитета россиян. В России тех лет сложилась ситуация «лингвокультурного тупика», связанного с неспособностью «простого человека» адекватно осмыслить лексемы *приватизация* и *ваучер*.

Ключевые слова: лингвокультурология, менталитет, экономические концепты, приватизация, ваучер.

Отечественная лингвокультурология, основывающаяся на понятиях «концепт» [18] и «концептосфера» [11], за два последних десятилетия развилась в обширную, динамично развивающуюся область, в рамках которой филология выполняет по отношению к другим гуманитарным наукам специфически «интегрирующую» роль [5]: не только *использует* данные других наук для *своих* целей, но и *помогает* другим наукам осмыслить *их* собственные цели.

Этот потенциал современной лингвокультурологии используется неравномерно. Так, множество работ, в том числе монографических, посвящено «эмоциональным концептам» (например: [10]), немало – политическим (например: [23]). Первые – на стыке с психологией, вторые – с политологией. Вне широкого внимания – концепты, связанные с такими сферами человеческой жизни и соответствующими науками, как педагогика и военное дело, искусство и богословие, медицина и экономика и т.д. Ключевые слова, фиксирующие ядерные концепты («макроконцепты») названных сфер социального бытия, выявляются без труда, ср.: «педагогика» – *образование*, «военное дело» – *война/армия*, «искусство» – *творчество* (художественное), «богословие» – *вера/Бог*, «медицина» – *болезнь/здоровье*, «экономика» – *хозяйство*. За каждым из этих именованных – актуальный объект лингвокультурологического исследования.

Следующая задача – найти частные концепты, на которые раскладывается общий. В случае экономики с позиций «здорового смысла» *хозяйство*, как минимум, предполагает *деньги* («капитал») и *труд*. В целях верификации обращаемся к данным массового ассоциативного эксперимента, проведенного в конце прошлого века Институтом русского языка. Результаты обескураживают. В статье «Хозяйство» ассоциаты *экономика*, *деньги* и *труд* не представлены, ср. наиболее частотные: «**Хозяйство**: домашнее **14**; вести **9**; большое **5**; сельское **4**; мое, народное, натуральное **3**» [17, с. 709]. В статье «Экономика» наиболее частотные ассоциаты либо тавтологичны, либо фиксируют такие синтагматические и парадигматические связи стимульного слова, которые никак не вскрывают его конкретный смысл, ср.: «**Экономика**: должна быть экономной **53**; страны **40**; экономная **31**; политика **27**; наука **16**; деньги, хозяйство **9**; труда, хозяйства **4**» [Там же, с. 740].

Как видим, лексемы *деньги*, *хозяйство*, которые составляют ожидаемый центр семантического поля, в данной ассоциативной группировке – не самые частотные, *труд* представлен лишь в синтагматической связи: *экономика – труда*.

Налицо «ускользание смысла», обиходные представления об экономике – размыты. Термин *экономика*, разумеется, внятен специалистам, поскольку раскрывается в системе профессиональных понятий и терминов, но в общенародном языковом сознании с теоретически ожидаемыми обиходными лексемами не связывается, о чем свидетельствуют, помимо психолингвистических, данные академических толковых словарей, где ключевые лексемы *деньги*, *хозяйство* не используются в качестве словарных идентификаторов в толкованиях первого значения сущ. *экономика* (идентификатор ‘хозяйство’ используется в толковании второго значения, идентификатора ‘деньги’ нет вообще), ср. материалы Института лингвистических исследований: «**Экономика...** 1. Совокупность производственных отношений, соответствующих данной ступени развития производительных сил общества, господствующий способ производства в обществе определённой общественно-экономической формации, экономический базис общества. *Э феодализма. Капиталистическая э. Э. социализма.* 2. Организация, структура и состояние хозяйства (страны, района и т.п.) или какой-л. отрасли хозяйственной деятельности. *Э Севера. Э страны. Э транспорта. Э торговли. Кризис экономики Теневая экономика...*» [13, с. 1516]. Аналогичные толкования – и в словаре Института русского языка [21, с. 1121].

Поскольку в приведенных толкованиях «человеческий фактор», человеческое «я» не просматривается, приходится предположить, что *экономика* для русского языкового сознания – «дегуманизованная» сфера. «Жизнь» – это одно, «экономика» – другое, особняком. Видимо, поэтому на фоне таких уже вполне устоявшихся терминологических сочетаний, как *политическая (лингво)концептология* или *эмоциональные концепты*, словосочетания типа *экономические концепты* или *экономическая (лингво)концептология* выглядят странновато.

А между тем *экономика* – материальная основа самого нашего существования, этимологическая внутренняя форма сущ. *экономика* связана с представлением о доме, а буквальная калька древнегреческого *oikonomia* ‘управление домом > вообще управление, распоряжение, устройство’ (от *oikos* ‘дом, жилище; отечество; имущество, состояние; семья, род’ и *nomos* ‘обычай, закон’) – это «домозаконие», или, в расширительном герменевтическом прочтении – «домостроительство». Однако в довольно многочисленных работах, посвященных концепту «Дом», лексема *экономика* (в отличие от *хозяйства*) не представлена (например: [3]).

По отношению к «экономическим концептам» лингвокультурология – вроде человека, который, воздевая очи горе, не замечает, что у него под ногами.

В романе братьев Стругацких «Волны гасят ветер» некий инопланетянин «противным таким, тоненьким голоском пропищал» о землянах ехидный стишок: «Видит горы и леса, облака и небеса, а не видит ничего, что под носом у него» (цит. по: [4]). Так и филология: о высоком, о тончайших движениях души – множество работ (к примеру, необозримое количество диссертаций, связанных с представлениями о любви), а о «хлебе насущном», об экономической, хозяйственной жизни – почти ничего (заметим: «почти» – не значит «совсем» ничего; ср., например: [14; 22; 1; 16; и др.]; в данном случае имеем в виду «несоразмерно мало»).

Один из самоочевидных способов конструирования исходного перечня лингвокультурных концептов, отражающих какую-либо сферу человеческой жизни, – выявление ключевых слов, бытующих в данной сфере, в том числе новых. Богатый материал для размышлений такого рода дает, например, коллективная монография «Русский язык конца XX столетия», где акцентируются такие лексемы, как *рынок, приватизация, ваучер, инфляция* и т.п., но звучит при этом существенное замечание, к сожалению, не получившее в этой книге дальнейшей разработки: «Большинство ключевых экономических терминов оказались “на слуху” у значительной части общества. Они стали материалом для языковой шутки, обыгрывались на эстраде, осваивались в непринужденной бытовой речи, **не становясь при этом для многих более понятными в своей экономической сути**» [8, с. 163] (выделено в тексте мною. – В. В.).

Это о словах, новых или относительно новых для русского языка и русского языкового сознания. Однако то же самое можно сказать и о словах, хорошо известных, издавна бытующих в общем употреблении.

Поскольку опереться на дефиниции толковых словарей с целью выявления опорных лексем, составляющих обыденное понятие «Экономика», не удастся, воспользуемся феноменологическими технологиями – с позиций «здорового смысла» назовем те связанные с экономикой «человеческие реальности», «доступ к которым и возможность описания которых укоренены в самом сознании и человеческом бытии» [24, с. 1035]. Если считать *экономику* дескриптором (и далее «макроконцептом»), то, оставаясь в пределах антропоцентрических (не «экономоцентрических») представлений, получаем следующий минимальный ряд лексем и соотносительных с ними экономических концептов: *Экономика – деньги, труд, зарплата, доход*.

Обращение, с одной стороны, к научным определениям, с другой стороны, к ассоциативным материалам вскрывает поразительный факт, равно просматривающийся в материалах обоих родов: названные феномены связаны только по параметру ‘деньги’, из чего следует, что семантический центр концептосферы экономического – именно «Деньги»; связи *экономики, труда, зарплат* и *дохода* между собой в названных материалах не отражены, а следовательно, они находятся в отношениях взаимоотчужденности, напрямую друг с другом не связываются.

Дефиниции науки экономики. «**Труд** – целенаправленная деятельность трудоспособного населения, предусматривающая создание с помощью средств производства материальных ценностей и оказание услуг» [6, с. 167], – нет ни одной названной лексемы. То же самое – с понятиями «экономика» и «доход». Частичное исключение: «**Заработная плата** – стоимостная категория, характеризующая превращенную форму стоимости и цену рабочей силы; форма распределения части стоимости между работниками в соответствии с их долей участия в совокупном общественном труде» [Там же, с. 44], – однако в определении речь идет не о *личном*, а об *общественном труде*.

Материалы ассоциативного словаря [17]. В ассоциативном поле «Деньги» лексемы *экономика* нет вообще, остальные названные – в категории низкочастотных (*доход 2; зарплата, труд 1*). *Деньги* представлены во всех названных ассоциативных полях (*экономика, труд, зарплата, доход*), но сами эти стимульные слова в качестве ассоциатов в названных полях не представлены, – следовательно, поля по этим параметрам не пересекаются, напрямую в русском внутреннем лексиконе не связаны.

Как одним словом охарактеризовать эту особенность концептосферы экономического? Названные феномены находятся на значительных семантических расстояниях, непосредственно друг с другом не связаны либо связаны очень слабо. Что это? «Семантическая несвязность», «расщепленность», «взаимоотчужденность»? Дело, конечно, не в терминологическом ярлычке, а в сути явления.

Отчуждены, «расчуждены» (в терминологическом смысле *отчуждения*) не только отдельные концепты внутри «Экономики», но и сама эта частная концептосфера – «отчуждена» от других составляющих русского языкового сознания.

«Отчужденность» проявляется, в частности, в том, что экономическая проблематика оказывается практически вне внимания лингвокультурологов. По некоему молчаливому соглашению, бессознательному «пресуппозитивному акту» экономика оказывается как бы «вне культуры». Разумеется, никто в действительности так не думает, но – «так получается».

Думается, этот «отрицательный результат» семиотически значим – как свидетельство *отчуждения* экономической концептосферы от других частных концептосфер национального языка – а следовательно, и от других составляющих национального и индивидуального сознания.

Экономическая сторона общественной жизни в рамках русского менталитета оказывается несогласованной с другими сторонами бытия народа. Экономика – нечто вроде «параллельного мира», с которым любой человек неразрывно связан, но существа которого, если только он не профессиональный экономист, не знает. С другой стороны, профессиональные экономисты – как органичная часть этого «параллельного мира» – едва ли в полной мере осознают его связи с другими сторонами человеческого бытия, иначе бы не возникали и не бытовали у нас такие монструозные именованья (и одновременно «руководства к экономическому действию»), как *бюджетники*, *минимальная потребительская корзина*, *минимальный размер оплаты труда*, «минимальность» которых рассчитывается явно не «от человека», а от чего-то, что очень далеко от повседневной жизни реальных людей.

Причина «отчужденности» концептосферы экономического (а вслед и одновременно с ней – и места реальной экономики в национальном самосознании и национальной жизни) – в особенностях русского национального характера. В них – и причина той экономической катастрофы начала 1990-х, которую обычно называют «катастрофой приватизации».

В фундаментальном «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанова с концептосферой экономического напрямую связана лишь статья «Деньги, бизнес», которая открывается четким разъяснением специфики «русского отношения» к деньгам, экономической корысти/бескорыстию, к стяжательству: «Мы живем в стране, где бесплатная трудовая услуга вдове, старику, больному все еще, слава богу, считается нормой. Мы выезжаем (на время или навсегда) в другие страны, где бесплатная трудовая услуга вдове, старику, больному считается странностью или глупостью. ... в таком “нестяжательном” отношении к деньгам – одна из самых отчетливых духовных границ русской культуры» [18, с. 560]. Именно на этом ментальном поле в начале 1990-х годов проводилась приватизация – «сверху», исходя из соображений экономической целесообразности, но без учета (или наоборот – с чьим-то очень лукавым расчетом?) психологических факторов, национального характера, в структуре которого «Деньги» и «Собственность» – феномены периферийные, с глубинными структурами национального «я» связанные весьма

слабо; наконец, без учета факторов педагогического, «образовательного» характера, в условиях практически полной экономической безграмотности населения, поскольку для огромного большинства экономическая жизнь складывалась всего из двух компонентов: *Труд* (причем с установкой на бескорыстие) – *Зарплата* (с установкой на уровень, достаточный лишь для того, чтобы жить очень скромно).

Что такое *приватизация* – для языкового сознания россиян начала 1990-х годов, которых на протяжении многих десятилетий воспитывали в убеждении, что частная собственность – зло? У которых не было никакого личного опыта соприкосновения с «частной собственностью» на средства производства? С какими структурами внутреннего лексикона это новое для русского уха слово должно было связаться? И могло ли связаться – для большинства людей с собственно русским (и шире – российским) менталитетом?

Руководство страны в те годы *приватизацию* связало с *ваучером* и *ваучеризацией*. Еще одно новое – и уж совсем непонятное слово.

Сначала о лексеме *приватизация* и феномене приватизации.

Внутренняя форма сущ. *приватизация* вполне прозрачна – но только для человека, обладающего некоторым образованием (желательно высшим). Семантический и формальный этимон – лат. *privatus* ‘частный, находящийся в личной собственности; не занимающий государственных постов, не имеющий общественного положения; обыкновенный, простой’ – от *privare* ‘отнимать, лишать’ < *privus* ‘отдельный, отдельно взятый, каждый порознь; каждый; особый, собственный; своеобразный; освобожденный, свободный’. Соответственно *приватизация* (от *приватизировать*) – «передача государственного или муниципального имущества в частную собственность».

Но это лишь сигнификат, причем не столько обыденное, сколько научное понятие. Чтобы обрести связь с реальностью, в живом языковом сознании *приватизация* должна была обрести «вещные» (денотативные, а лучше – конкретно-референциальные) смыслы, образы некоторым коннотативным ореолом – ценностными и эмоциональными смыслами.

Юридическое определение понятия «приватизация», включающее целый ряд денотативных отсылок, казалось бы, дает возможность наглядно представить, чем может владеть отдельный человек как собственностью: «**Приватизация**... передача государственной или *муниципальной собственности* (жилищного фонда, *земельных участков*, промышленных предприятий, банков, предприятий и организаций транспорта, связи, торговли, зданий и др. объектов недвижимости, культурных ценностей и т.д.) за плату или безвозмездно в *частную собственность*» [20, с. 760]. Однако «простой человек» **представить** мог себя собственником разве что *жилья, квартиры*, но никак не *промышленного предприятия* или *банка*.

Этот вполне ожидаемый психологический результат нагляден в академических ассоциативных данных (приводим ассоциаты с частотой до 1): «**Приватизация**: *ваучер 15; обман 6; за, квартира, квартиры, прихватизация 5; жилья, покупка, чек 4; собственность 3; бред, глупость*, идет, квартир, предприятия, *реклама 2*...» [17, с. 506]. Бросаются в глаза резко негативные реакции, особенно каламбурное *прихватизация*, в котором отчетливо сказалась проницательность простых людей: приватизация – не для них, а для «сильных мира сего», жаждущих отхватить не то что куски пожирнее – взять сразу всё, ср. словарные данные, собранные по горячим следам тех лет: «**Прихватизация**... *налож., лексич. неол., сниж., неодобр.* Прива-

тизация как средство незаконного обогащения тех, кто её проводит... *...теперь мы упрямо хотим пустить с молотка последний и лучший ресурс – недвижимость. Но тогда это не приватизация. И грубоватое, но более точное название этому скоропалительному процессу в народе уже родилось – “прихватизация”*. Московские новости, 1991, 15 дек. *Жутко помыслить, какие коллизии будут сотрясать общество вокруг номенклатурной прихватизации...* Известия, 1992, 24 марта» [19, с. 254].

Приватизация как разгосударствление, обусловленное неспособностью плановой экономики справиться с всевозрастающей сложностью производства и распределения, обусловленное необходимостью замены вертикальных структур управления горизонтальными связями, была абсолютной экономической необходимостью, но... Ситуацию лучше всего характеризует ставшая крылатой фраза В.С. Черномырдина (произнесенная, правда, по другому поводу): «Хотели как лучше, получилось как всегда». «Предполагалось, – читаем в современной политической энциклопедии, – что это стимулирует личную заинтересованность каждого россиянина в результатах реформ и создаст класс здоровых, честных предпринимателей» [2, с. 261]. Но «предприниматель» – это **особый человеческий тип**, отнюдь не «каждый россиянин».

Для «каждого россиянина» советских лет, для «массового», простого человека, которого насмешники до сих пор называют «хомо советикус», но который отнюдь не был наивным и глупым, якобы зомбированным коммунистической пропагандой, а просто был (и остается) – **другим** по сравнению с «западным» человеческим типом, ориентированным на личное преуспеяние, *предприниматель* – слово скорее с пейоративной окраской, отнюдь не с мелиоративной. Заметим: базовое действие в экономической сфере фиксируется конверсивами *купить / продать*, при этом действие *продажи* в русском менталитете оценивается негативно. Об этом свидетельствует, в частности, семантика именованных субъектов продажи, которая «указывает на множество негативных признаков, которые приписываются или ассоциируются в русскоязычном социуме с человеком, профессиональная деятельность которого предполагает его обязательное участие в акции денежной передачи объекта» [15, с. 177], типа *сбытчик, толкач, барыга, левак, маклак, торгаш, лавочник*. Воспитанные в советской школе, граждане России в те годы могли ассоциировать *предпринимателя* только с негативными хрестоматийными образами общего курса литературы: с «приобретателем» Чичиковым, накопителем Собакевичем, с купеческим «темным царством» пьес Островского, – но никак не с тем, кто ведет в некое светлое демократическое будущее.

На этом фоне появляется *ваучер*.

Юридическое определение понятия (в актуализованном значении): «**Ваучер**... 3) в РФ *приватизационный чек* на предъявителя для целевого приобретения *ценных бумаг* с ограниченной сферой обращения» [20, с. 112]. «**Приватизационный чек** – в РФ государственная *ценная бумага* целевого назначения, имевшая номинальную стоимость в рублях, являвшаяся документом на предъявителя» [Там же, с. 760]. Обратим внимание на специфическое уточнение: *в РФ*... Надо полагать, что «тому самому» российскому *ваучеру* не было аналогов – во всяком случае, таких, которые могли бы быть знакомы или с которыми легко можно было бы познакомить россиян – в качестве примера, что такое *ваучер* и что с ним можно делать.

Что в сигнификате этого «чека» могло быть ясно/неясно «простому человеку» тех лет? Ясно: *стоимость в рублях и на предъявителя* (как деньги). Неясно: *ценная бумага*. Родовое понятие с целым рядом не менее непонятных видовых, например: *облигация, вексель, чек, сертификат, акция*... Из всего этого ряда простой человек советских лет мог иметь дело только с *чеком* в магазине – как прямым эквивалентом *денег*.

Далее – функции и референциальное содержание. Требовалось понять, что *ценные бумаги* не только имеют некоторую «номинальную стоимость», но могут приносить деньги. Ваучер можно обменять на *акции*. Здесь условный «массовый» человек, выражаясь современным языком, окончательно «зависает»: что такое *акции*? где их покупают/продают? *какие* акции можно/нужно/не нужно приобретать? какая от этого *выгода*? кто такой *акционер*? и т.д.

Ситуация лингвокультурного тупика. Требовалось войти в совершенно новую парадигму: от привычной «труд → деньги (зарплата) → товар» к «деньги (ваучер → акции) → дополнительные деньги». Логика совершенно непривычная: *деньги* могут породить *деньги*, причем без *труда*. И чуждая русскому менталитету.

Сегодня, когда мы уже знаем, что такое *акции* и другие *ценные бумаги*, эти затруднения понять нелегко. По свидетельствам тех лет, с одной стороны, слово *ваучер* достаточно быстро вошло в обиход, а с другой стороны, стоящий за ним феномен (*ваучер* как особая «ценная бумага») осмыслению поддавался с колоссальным трудом.

Свидетельство первого рода: «...*Своего предела негодование автора <в связи с использованием непонятных заимствованных слов> достигает на теме ваучеров... И тут уж – хоть ваучерами называй, хоть чеками, хоть приватизационными... Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ Ваучер! Или – господин Ваучер?* (Век, 1992, 11). Встреченное с неприятием, это слово вскоре дало производные (*ваучеризировать, ваучеризация* и ироническое *волчеризация*) и усилием масс-медиа (с октября 1992 года издается даже особая газета *Ваучер*) в кратчайший срок было освоено настолько, что, как сообщила газета «Известия» 25 августа 1992 года, в некоей семье Ваучером был окрещен... новорожденный младенец!» [9, с. 87–88].

Свидетельство второго рода (С.Г. Кара-Мурза в статье «Интеллигенция после перестройки: пора оглядеться», «Правда», сентябрь 1992 г.): «Речь о демократии может идти, лишь если граждане понимают смысл всего происходящего. Но ведь язык, на котором вполне сознательно говорят власти, не понимает подавляющее большинство не только населения – депутатов парламента! Вслушайтесь в доклады Гайдара и посмотрите на лица депутатов в зале – они отключаются на третьей фразе, как только начитавшийся плохо переведенных учебников премьер запускает свои “ваучерные облигации” или “кривые Филиппа”. Да разве ответственно информирующий (не говорю – советуемый) политик употребляет такой язык! И разве не знает внук двух писателей, что элементарная вежливость запрещает использовать выражения, которых не понимает (или может неправильно понять) слушатель?» [7]

На исходе XX века, размышляя о лавинообразном росте «внешних заимствований», в том числе экономической лексики, лингвисты констатировали: «Пресса, радио и телевидение распространяют новые термины настойчиво и безостановочно, делом доказывая, что язык массовой коммуникации развивается с опережением и

сильно воздействует на все стили речи» [9, с. 88–89]. Вопрос о том, как воздействуют и «внешние заимствования», и общая актуализация экономической лексики не только на «стили речи», но и – что несравненно важнее – на общественное сознание, как они взаимодействуют с лингвоконцептуальными структурами и ментальностью россиян, к сожалению, до настоящего времени остается в числе «филологических маргиналий», хотя по общественной значимости должен бы быть в самом центре внимания филологов.

Приватизация, ваучер... Эти слова выступали как представители **иного** – не собственно русского, российского – менталитета. Осмысление их семантики, понимание назначения стоящих за ними реальных феноменов экономической жизни требовало другой лингвоментальной парадигмы – по сравнению с той, к которой за десятилетия привыкли советские люди. *Деньги* не воспринимались как средство «делать *деньги*» (логика *ваучеров, акций*). *Деньги* воспринимались как *заработок* и обеспечение повседневных нужд. «Накопил – и машину купил» – этот лозунг Сбербанка советских лет был вполне понятен. Формула «Вложил (деньги) – и получил (еще деньги)» оказалась удобной лишь для манипуляторов.

«Катастрофа приватизации» – не только обнищание большей части населения. Это столкновение менталитетов. «Архитекторы приватизации», видимо, совершенно не понимали, в чем своеобразие народа той страны, где «приватизация» проводится. Очень удачной представляется емкая формулировка современного исследователя (одновременно нынешнего министра культуры РФ) В.Р. Мединского той особенности нашего менталитета, которую обсуждаем: «**Материальная неприхотливость и духовная роскошь – вечный парадокс Великороссии.** <...> Россиянам <...> меньше <чем европейцам> было свойственно стремление к механическому зарабатыванию денег, к тому, чтобы их копить, растить, холить, лелеять, приумножать накопленное, наращивать собственность» [12, с. 291]. И потому так невероятно сложно было простому россиянину понять: что такое *ваучер* и зачем он нужен...

Список литературы

1. Агаркова Н. Э. Концепт «Деньги» как фрагмент английской языковой картины мира: На материале американского варианта английского языка: дис. ... канд. филол. н. : 10.02.04 / Н. Э. Агаркова; Иркутский гос. лингв. ун-т. Иркутск, 2001. 171 с.
2. Большая актуальная политическая энциклопедия: Настольная книга современного политика: 1000 актуальных понятий современной политической жизни / Ред.-сост. А. В. Беляков, О. А. Матвейчев. М.: Эксмо, 2009. 420 с.
3. Валеева Д. Р. Репрезентация концепта «Дом» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.02.01 / Д. Р. Валеева ; Казанский (Приволжский) федер. ун-т. Казань, 2010. 20 с.
4. Волков В. В. Основы филологии: антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста : Курс лекций / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2013. 147 с.
5. Волков В. В. Филология в системе современного гуманитарного знания : Учеб. пособие / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2013. 220 с.
6. Зайцев Н. Л. Краткий словарь экономиста. М. : ИНФРА-М, 2007. 224 с.
7. Кара-Мурза С. Г. Опять вопросы вождям [Электронный ресурс] // RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/kara-murza_s/opyat_voprosi_vogdyam.html (дата обращения: 23.08.2019).

8. Китайгородская М.В. Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 162–236.
9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 248 с.
10. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
11. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. № 1. С. 3–9.
12. Мединский В.Р. О русском воровстве, душе и долготерпении. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 528 с.
13. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.
14. Орлова Т.С. Креативность экономического сознания личности : автореф. дис. ... докт. филос. н. : 09.00.01 / Т.С. Орлова; Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2006. 34 с.
15. Осипова А.Г. Купля / продажа // Антология концептов: В 2 т. Т. 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 166–183.
16. Палеева Е.В. Способы вербализации концепта ДЕНЬГИ средствами английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.02.19 / Е.В. Палеева; Курский гос. ун-т. Курск, 2010. 18 с.
17. Русский ассоциативный словарь : В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Около 7000 стимулов. М.: Астрель : АСТ, 2002. 784 с.
18. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. Проект, 2001. 990 с.
19. Тираспольский Г.И. Словарь политической борьбы: Материалы 1988–96 гг. Сыктывкар : Ин-т управления и международных связей, 2006. 400 с.
20. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2008. 1088 с.
21. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
22. Томашевская К.В. Концептосфера экономики в разножанровых текстах // Проблемы современной экономики: Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2006. № 1/2 (17/18) [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=999> (дата обращения: 23.08.2019).
23. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... докт. филол. н. : 10.02.01 / Е.И. Шейгал; Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000. 440 с.
24. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+ : Реабилитация, 2009. 1248 с.

PRIVATIZATION AND VOUCHERS: LINGUO-MENTAL ASPECT

V. V. Volkov

Tver State University
the Department of Russian Language

The author proves that the causes of the catastrophe of privatization at the beginning of 1990s were rooted in the peculiarities of Russian mentality. In Russia of those years

there was a situation of “linguocultural impasse” because of common men’s inability to adequately comprehend the semantics of lexemes *privatization* and *voucher*.

Keywords: *linguoculturology, mentality, concepts of economics, privatization, voucher.*

Об авторе:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

About the author:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.